

Безымянный

Убить и умереть

Гладиатор

Безымянный
Убить и умереть

«Научная книга»

Безмянный

Убить и умереть / Безмянный — «Научная книга»,
— (Гладиатор)

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Автор неизвестный

Убить и умереть

Глава первая

Ивана разбудили крики, доносящиеся из работающего телевизора. Он неделю не выходил из этой квартиры, лежал перед выключенным телевизором и тупо смотрел на темный экран, стараясь ни о чем не думать. Как только его начинали одолевать воспоминания, он хватал пульт и включал чертов ящик на полную громкость. Звуки и картинки назойливо лезли в сознание, заставляя обороняться от них и волей-неволей приковывали к себе его внимание.

Он заснул пару часов назад под какой-то занудный старый советский фильм, где на экране жизнерадостные идиоты суетились из-за каких-то надуманных глупых проблем. И никто из них не имел представления о смерти. Впрочем, и сейчас большинство людей не думает о том, что они могут умереть каждую минуту, стоит только обстоятельствам сложиться определенным образом. Например, им неожиданно повстречается на пути Иван...

Иван усмехнулся, когда ему на ум пришла мысль сосчитать – сколько же людей он убил за годы, которые занимается этим ремеслом – смертью? Сосчитать не было никакой возможности. Люди, которых он убивал, настолько мало вызывали его интерес, что Иван забывал о них спустя пару часов. С этой ухмылкой на губах он и заснул.

– Власть в стране захватили евреи! – орал телевизор резким, привыкшим к повиновению голосом. – Они хотят разграбить Россию, уничтожить ее народ и создать на ее месте свое сионистское государство! Мы не должны этого допустить! Мы и так слишком долго молчали и терпели из издевательств над всем русским. Но больше молчать нельзя! Если мы их не уничтожим, то они уничтожат нас!.

Иван открыл глаза и посмотрел на экран. Пожилой пухлый человек в сером облезлом костюме кричал и брызгал слюной с парламентской трибуны. Такие же самодовольные мужики слушали его с серьезными лицами и озабоченно хмурились.

– Я военный человек и не умею юлить и прятаться за чужие спины! – продолжал разоряться за трибуной размахивающий руками крикун. – Я говорю прямо! Настанет день, когда я с автоматом в руках первым пойду по тому списку адресов, который у нас давно составлен! И тогда мы посмотрим, чьей будет Россия!

– Заткнись, козел! – сказал ему Иван. – Чего ты разорался?

– Я воевал за Россию! Я убивал ее врагов! – несло из телевизора. – Мне не привыкать проливать за нее кровь! Во имя ее!

– Сука! – сказал ему Иван. – Ты только отдавал приказы таким как я, а они шли под пули и перегрызали горло зубами, если оставались без оружия...

– Если русские парни встанут за мной тесными рядами, мы очистим Россию от всякой там еврейской нечисти! – орал телевизор. – Мотайте в свой Израиль! Вы присосались к телу России как пиявки и сосете ее кровь!

– Заткнись, сволочь! – вновь сказал ему Иван. – Ты обсирал в штабе свои генеральские галифе, когда мы с ребятами пробивались из Чечни в Россию. И почти все ребята остались там – в Чечне!

Волна раздражения подняла его с дивана, на котором он спал и заставила напряженным взглядом уставиться на экран телевизора. Иван уже просто ненавидел этого крикуна из парламента с генеральскими замашками. Такие всегда прячутся за спины солдат, посылая их на верную смерть.

Иван схватил со стола, стоящего рядом с диваном, тяжелую мраморную пепельницу и запустил ею в экран. Раздался легкий взрыв, осколки кинескопа разлетелись по комнате, и в погасшем экране стало видно отверстие с неровными краями оставшегося по кромке экрана стекла.

Голос умолк, но злость, поднявшаяся откуда-то из глубины, не проходила.

Иван неожиданно поймал себя на мысли о том, что прежде его никогда не интересовало то, что говорят политики, какую бы ересь они не несли. Единственное, о чем думал Иван прежде серьезно – о том, как быстро и точно выполнить очередной заказ.

Там было о чем подумать – ему давали только такие задания, с которыми не справлялся никто другой. Задания, которые невозможно было выполнить. Но Иван их выполнял. Он брался за любой заказ и даже не обсуждал, насколько трудно ликвидировать того или иного человека, да и можно ли вообще его ликвидировать. Он просто шел, изучал обстановку и убивал его.

Деньги Иван никогда не считал и то, что переводил на его счет Крестный, его главный и единственный заказчик, он никогда не проверял и не пересчитывал.

Еще недавно он жил такой жизнью и не думал, что она когда-нибудь может измениться. Иван вообще ни о чем тогда не думал. До тех пор, пока в его жизнь не ворвалась женщина и не изменила его жизнь.

Сейчас все в прошлом – и прежняя жизнь и убитая Крестным Надя, и сам Крестный, которого Иван утопил в Москве-реке совсем недавно, но жизнь уже изменилась и прежней никогда уже не станет. Изменился и сам Иван, хотя и не мог понять, что с ним произошло.

Разбив телевизор, он начал лихорадочно одеваться. Через пару минут его уже нельзя было отличить от обычного жителя Москвы, какого-нибудь уставшего от трудностей жизни рядового инженера, едва-едва сводящего концы с концами. Правда, у этого «инженера» к плечевой кобуре висела отлично пристрелянная «беретта», а сзади за пояс джинсов был заткнут старенький, но надежный «макаров», из которого он положил не один десяток своих жертв.

Иваном двигал какой-то непонятный ему самому импульс, но он был настолько сильным, что Иван просто не мог оставаться на месте. Ему нужно было что-то предпринять, чтобы успокоиться.

Неподвижность и покой – все, о чем мечтал последнее время Иван. Но сейчас ему не давала этого покоя мысль о политиках.

Он не знал, куда идет и что собирается делать. Иваном овладела жажда движения и он просто отдался этому состоянию бездумно, как прежде отдавался ощущению близости смерти. Может быть, это, по сути, было одно и то же, Иван просто не знал, как ответить на этот вопрос, если бы он пришел ему в голову.

Но его головой овладела всего одна, но очень настойчивая мысль – как разыскать того крикуна из парламента и заткнуть его поганую глотку навсегда...

Всего несколько минут назад погасший и безразличный, Иван не мог остыть от мгновенной злости, волной нахлынувшей на него. Злости на таких вот крикунов, вопящих о гибнущей России, который вся эта Россия глубоко по херу! Перед глазами Ивана промелькнули лица ребят, бойцов его отряда, которые остались в Чечне, не сумев уберечься от подлой чеченской пули в спину...

Он помнил и о тех из своих друзей, кого ему пришлось убить своими руками... Другого выхода в чеченском плену не было – или ты на арене убиваешь своего друга, с которым не раз попадал в смертельные переделки и спасал жизнь ему, а он тебе, или друг убьет тебя... В другом случае чеченцы убьют и того, и другого. И останутся безнаказанными.

Иван сумел тогда выжить и наказать чеченцев. Он победил их воинственную Ичкеррию. Объявил ей вою личную войну и победил в ней!

И теперь он заткнет глотку этой суке, которая своими руками не убила ни одного чеченца, а только посылала на верную смерть таких ребят как он сам.

Иван купил свежий номер «Московского комсомольца» и пробежал глазами страницы. Ага! Вот новости из российского парламента...

«Генерал Камышов призвал русский народ к еврейским погромам»... «Черносотенский лозунг – „Бей жидов, спасай Россию!“ вновь становится популярным среди депутатов-коммунистов.»

– Да ты и впрямь генерал, сволочь! – пробормотал Иван себе под нос, уткнувшись в газету. – Значит, я правильно тебя понял...

Он бросил газету в урну и посмотрел на часы. На улице уже темнело и светящиеся стрелки показывали десять вечера. Иван не думал, удастся ли ему сегодня найти этого самого генерала Камышова, он просто подошел к зданию Государственной думы, рассчитывая на случай, вернее сказать – ни на что не рассчитывая. На то, что все сложится само, как обычно и бывает.

Несмотря на поздний час перед парадным входом в здание думы стояла группа людей с плакатами и красными знаменами. Иван подошел ближе, остановился, прислушался к возбужденным голосам.

– Чубайсу этому яйца оторвать нужно, чтобы не рождались в России больше такие... рыжие! – басил сильно подвыпивший мужчина с усами, держащий плакат «Парламент России – для русских! Долой депутатов-евреев!». – Такие вот чубайсы всю Россию и продали!

– Вот взял бы, да оторвал, – прикрикнула на него толстая тетка с большим пакетом, из которого выглядывала перепачканная землей морковь и торчал порядком уже измочаленный пучок зеленого лука. – А то только воздух языком молотишь! Собрались бы вокруг Камышова, да поотрывали всем им и яйца, и языки заодно!

– Соберемся, женщина! Обязательно соберемся! – вмешался молодой парень в старой джинсовой куртке с наполовину оторванным воротом и, почему-то, в галстучке. – Народ устал ждать своего освобождения и стонет под игом евреев и демократов!

«А галстучек-то у тебя за сотню баксов, не меньше, – отметил по себя Иван, разглядывая парня. – Надо еще разобраться – сам-то ты кто, чего орешь здесь, и чего тебе на самом-то деле надо...»

Парень явно был то ли провокатором, то ли бывшим комсомольским деятелем, сумевшим попользоваться надежно в свое время припрятанными деньгами комсомола, которые в последнее время все чаще стали вылезать наружу, но на коммерческой поверхности российского рынка показалась пока еще только верхушка денежного айсберга. Рваная джинсовка служила парню легким маскхалатом.

Иван почувствовал и к нему тоже приступ ненависти и поспешно отвел глаза от его лица, чтобы не доводить себя до состояния, при котором он просто вынимает пистолет и нажимает на курок. Парень, к счастью для самого себя, перешел к другой группке, и Иван перестал различать его голос среди приглушенного разнобоя собравшихся перед думой сторонниками генерала Камышова.

– Вчерась, генерал-то, как вышел оттуда-то...

Она кивнула на вход в здание.

– ... так час, наверное, с нами разговаривал. Все, как есть объяснил и на путь наставил. Вот кого нам выбирать-то надо было! Такой им башки все сразу поносит. Некому думать будет, как деньги у народа воровать! Сама за генералом пойду, куда он поведет. Жидят душить, скажет, – своими руками задушу, пусть только покажет – кого!

– Скоро уже выйдет, – сказал тот, что ругал Чубайса. – Ребята, вон, из его охраны улицу осматривают. Значит – кончили заседать.

«У него и охрана есть! – подумал Иван и тут же понял, наконец, зачем прошел сегодня сюда, к думе – для того, чтобы убить генерала Камышова. – Ну, что ж, ребята, смотрите внимательнее сегодня, запоминайте, такое каждый день не увидишь.»

Иван на всякий случай отошел поближе к перекрестку, вдруг этим придуркам придет в голову обыскивать людей, собравшихся перед входом. Тогда ему придется уходить ни с чем, а генерал будет кричать о спасении России от евреев и завтра. Ивану было наплевать на евреев, но криков Камышова он больше слышать не мог.

Крепкие пареньки с красными ленточками на рукавах осмотрели машину генерала, порыскали в толпе и успокоились. Иван вновь присоединился к стоящим с лозунгами сторонниками генерала.

К Ивану подошел невысокий парень, в котором Иван с первого взгляда определил личность, постоянно конфликтующую с уголовным кодексом.

«Лицо без определенного места жительства, – пробормотал про себя Иван. – Но с определенным коммерческим интересом...»

Парень внимательно посмотрел на Ивана и, поймав его взгляд, спросил вполголоса:

– Ствол нужен?

– Покажи, – ответил Иван.

Парень приоткрыл запахнутую на груди джинсовку, и Иван увидел у него за поясом ржавый наган с покореженным барабаном, явно украденный из какого-то музея. Иван усмехнулся и хотел уже было послать предприимчивого торговца «оружием» подальше, но тут через его плечо заглянул мужчина с мрачным лицом и голодными глазами и спросил:

– Сколько хочешь за него?

– Сам брал за сто баксов! – зачастил продавец, сразу потерявший интерес к Ивану и повернувшийся к спрашивающему. – Тебе, так и быть, отдам за полтинник! Только потому, что на святое дело! Понимаем тоже, ведь. Не враги же мы России! Без ствола ты не человек, когда до драки дойдет! Бери, не сомневайся. Бьет, как снайперская винтовка. Я сам из него четверых положил...

– Стреляет? – недоверчиво спросил покупатель, не обращая внимания на слова парня с пистолетом. – А то мне, ведь, кусок ржавого железа не нужен, булыжник и бесплатно можно найти...

– Да что б мне провалиться, в натуре! – воскликнул бомж, косящий под уголовника. – Да, бля буду, стреляет! Хочешь, прям здесь сейчас попробуем?

Бомж сделал движение, словно собираясь достать пистолет. Но парень придержал его руку. Испытывать оружие перед дверями государственной думы он не предполагал. Впрочем, синяк тоже не собирался этого делать, он просто устраивал спектакль.

– Не, не! Не надо! – сказал мрачный мужчина. – Я те верю! Стреляет, значит, стреляет. Только – дороговато... Сбрось немного – тогда возьму.

– Ну, только для тебя! – согласился синяк. – Только для правого дела! Согласен! По рукам! Отдаю за двадцать. Давай деньги!

Мрачный начал шарить по карманам. Иван потерял интерес к этому эпизоду. Мрачный мужчина покупал явный металлолом, который стрелять не будет уже никогда... Синяку сильно хотелось выпить, только и всего...

Ближе к дверям послышались возбужденные голоса и стоящие вокруг Ивана люди пришли в движение. Все двинулись ближе к зданию, но не вплотную, там стоял усиленный наряд милиции и не подпускал никого близко к зданию. Послышались возбужденные голоса.

– Сколько нам ждать еще!? Руки чешутся!

– Они жируют, а нам – милостыню просить?

Иван заметил, что эту фразу выкрикнул мужчина, покупавший ржавый наган.

– Всех по столбам перевешаем, гадов! Хватит!

На Ивана весело посмотрел подвыпивший дядька с усами и жизнерадостно пояснил ему:
– Вот они где у меня сидят, эти жида!

И черкнул ребром ладони у себя чуть выше лба.

– Товарищи! – раздался уже знакомый Ивану голос генерала, от которого Иван перевернул плечами. – Наступают исторические дни! Вся Россия ждет, когда мы от слов перейдем к делу... Историческая миссия русского народа – в освобождении России от жидовского ига! Хватит! Долго терпел наш многострадальный народ! Но терпение его кончилось! Масоны-евреи уже готовы полностью отобрать Россию у русских и создать на ее территории новое государство типа Израиля! Для русских будут отведены резервации за Полярным кругом – в Норильске, на Новой земле и островах Шпицбергена... Зловещая тень нового ига, на этот раз – еврейского – вновь нависла над Россией!..

Люди вокруг Ивана слушали выкрики генерала затаив дыхание. У них на глазах вся их жизнь приходила в строгое соответствие с их пониманием, все их проблемы находили объяснение и, мало того – они начинали видеть – как решить эти проблемы.

Кто виноват, что каждое утро просыпаешься с чувством жгучей ненависти к этому облезлому потолку у тебя над кроватью, а твой муж водку пьет чаще, чем воду? Евреи! Почему жизнь твоя вызывает у тебя только раздражение, а каждый раз, когда твой сын подносит ко рту кусок хлеба, тебе хочется крикнуть: «Ну сколько можно жрать!»?

Потому, что евреи продали Россию! Кому? Да какая разница! Продали – и все! Другим евреям, например. Или – международному капиталу! И вообще – жизнь хреновая только потому, что евреи сживают всех русских со света! Надо только передумать всех этих евреев, прогнать их ставленников в правительстве, поставить Президентом верного человека – и все наладится! Мы еще будем жить при коммунизме! Всего будет вдоволь и – бесплатно!

«Врешь, собака! – подумал Иван про генерала. – Все вы – продажные твари, готовые на все, только бы прибрать власть к своим рукам... Вы, как собаки, хватающие друг друга зубами, дерущиеся вокруг одной кости.

– Настала пора! – продолжал выкрикивать генерал пьянящие его самого фразы. – Народ поднял голову и занес карающую руку над всеми иноверцами, грызущими тело России, словно паразиты и сосущими ее кровь! Пора, братья! Пора нам самим умыть их кровью и стереть этот позор с лица великой русской России!

– Пора, брат! – завопила впереди Ивана женщина в каком-то невообразимом жакете с вылезшей песцовой оторочкой на рукавах и у горла. – Веди нас! Покажи нам, кто враги наши! И мы убьем их!

На мгновение она повернулась к Ивану вполборота, и он разглядел возбужденное лицо с острыми чертами, горящими глазами и приоткрытым ртом, из которого вырывались какие-то почти сладострастные стоны. Она не сводила с генерала горящих восторгом глаз. Иван понял, что эта старая дева готова ради генерала на все! Даже на самое для нее страшное – готова отдаться мужчине...

Иван усмехнулся и осторожно огляделся. Он наслушался генеральского бреда досыта. Пора было подумать и о деле, о том, зачем он сюда пришел.

Четверо генеральских охранников взяли Камышова в кольцо и контролировали каждый свою сторону. Ближе к Ивану стоял невысокий, но очень плотный парень лет двадцати двух с грубым рязанским лицом и густой белесой шевелюрой. Когда он отворачивался, то с затылка становился похож на эстрадного поп-певца, случайно занесенного в эту небольшую кучку московских антисемитов. Но парень поворачивался к Ивану лицом и становился вновь тем, кем он был на самом деле – верным, но тупым псом-охранником жаждущего славы и власти генерала.

Иван подумал, что, скорее всего, генерал даже и не платит этим парням за их работу. Одного того, что он доверил им себя охранять, наверное, вполне достаточно, чтобы они чувствовали себя счастливыми...

«А вот я доверил себе тебя убить, товарищ генерал! – сказал сам себе Иван и нащупал правой рукой рукоятку „беретты“ под джинсовой курткой. – И не буду с этим тянуть долго... Меня еще в школе учили – никогда не откладывай на завтра то, что ты можешь сделать сегодня.»

Оглядевшись, Иван тут же составил для себя план отхода с огневой позиции. Стрелять он решил прямо с того места, где стоял. Нужно только подождать, когда генерал подойдет вплотную. Иван очень не любил стрелять издалека, когда жертва не видела его с нацеленным на нее пистолетом, а сам он не видел глаз того человека, в которого стрелял.

Генерал медленно двигался прокладывая себе дорогу между своих приверженцев к своей машине. Иван стоял примерно посередине того расстояния, которое генералу нужно было пройти до машины. Возбужденный народ расступался перед генералом неохотно, каждый хотел не только услышать генерала, но и высказаться сам.

– Доколе? – гудел дьяконским басом высокий плотный пожилой мужчина с мутными глазами и копной взъерошенных волос на голове. – Доколе терпеть будем, батюшка? Сил нет терпеть! Руки чешутся и к действию готовы!

– Товарищ генерал! – подскочили к Камышову два подростка с длинными тонкими шеями. – Где можно записаться в ваш отряд русской самообороны?

Иван стоял уже метрах в двух от генерала и видел, как на губах у того играет мечтательная улыбка, которую Камышов постоянно пытается стереть с лица, но она вылезает вновь и вновь. Камышов остановился и поднял руку, призывая к вниманию. Он собирался сказать речь. Народ понемногу затих, собираясь слушать генерала...

– К оружию, братья! – закричал тот сильным командирским голосом. – Евреи окружили себя гангстерами и убийцами! Голыми руками мы их не возьмем. Булыжник давно уже перестал быть оружием пролетариата! Нужны пистолеты и автоматы! Нужны гранаты и ракеты! Только так мы сможем одолеть врагов наших! К оружию! Когда каждый из вас будет иметь винтовку, тогда мы пойдем на правый бой!

Генерал бодро тряхнул лысеющей головой и снова двинулся по направлению к Ивану. Иван уже приготовился его встретить. Он достал «макаров» из-за пояса и придерживал его за полую джинсовую куртку. Выхватить «беретту» он мог за доли секунды. Вообще, убить человека очень несложно, это Иван знал давно. Самое трудное в убийстве – уйти после выстрела невредимым...

Генерал, наконец, твердой рукой отодвинул со своего пути стоящую перед Иваном старую деву, смотрящую на него в немом экстазе, и уперся прямо в неподвижного Ивана. Генерал был на голову ниже Ивана и взгляд его сначала ткнулся ему в грудь. Иван продолжал стоять молча. Генерал приподнял голову и посмотрел ему в глаза.

Иван увидел в них безумие полководца, готового двинуть свое войско на верную смерть, лишь бы вступить в сражение. Жертвы и потери его не волновали. «Наше дело правое и мы – победим!» – читал Иван в его глазах.

– Не сомневайся товарищ, в нашей победе, – сказал Ивану генерал. – За мной пойдут тысячи верных бойцов! Вставай в их ряды! Мы смешаем кровь этих еврейских выблядков с землей и удобрим русскую землю их костями... Ты пойдешь в бой за правое дело и за тобой пойдут десятки таких, как ты, патриотов!

Генерал точно попал в то самое болезненное место, из-за которого Иван не мог спокойно слушать его бред. В Чечню Иван попал тоже – за правое дело. И за ним шли несколько десятков его бойцов. Все они остались на земле Ичкерии. И некоторых из них пришлось убить самому Ивану. Тоже – за правое дело? Их тоже послал в Чечню такой вот урод-политик, страдающий словесным поносом.

Иван уже не испытывал ненависти к генералу Камышову. К человеку, жизнь которого уже, фактически, закончилась, невозможно испытывать ненависть. Иван чувствовал лишь удо-

влетворение от того, что сейчас он нажмет на курок и прекратит существование этого самодовольного крикуна, засирающего мозги ничего не понимающим людям, которых он призывает на смерть и на убийство. Иван лучше кого бы то ни было знал, что такое убийство и что такое смерть. Тот, кто отведаёт того или другого, перестает замечать границу между жизнью и смертью, начинает жить по ту сторону жизни и смерти. Жить там, где жил вернувшийся из Чечни Иван.

Генерал что-то увидел во взгляде неподвижно стоящего перед ним Ивана. Он заозирался на охранников и беспокойно завертел головой. Охранники не обращали на генерала никакого внимания, целиком занятые наблюдением подходов к толпе, каждый со своей стороны.

«Пора! – сказал сам себе Иван. – Что же ты медлишь? Еще секунда, и момент будет упущен...»

Как это не раз с ним уже бывало, все дальнейшее Иван воспринимал, словно в замедленном темпе. Он двигался в несколько раз быстрее, чем все остальные вокруг него, и ему казалось, что время течет медленно и плавно.

Иван вынул левую руку с «макаровым», а правой выхватил из-под левого плеча «беретту». Он успел их поднять уже на уровень лба генерала, когда тот только заметил движение Ивана. Иван видело как медленно округлялись глаза у старой девы в жакете с песком, как постепенно раскрывался рот у высокого мужчины с дьяконским голосом. Иван ждал, когда до генерала дойдет, что через мгновение раздастся выстрел и жизнь его оборвется. Он ждал страха, который должен был мелькнуть в глазах генерала...

Глаза генерала раскрывались одновременно со ртом. Глаза заполнялись ужасом перед неизбежной уже смертью, а рот – криком. Но не криком приказа или призыва, даже не геройским возгласом, а самым обыкновенным воплем страха, заполнившего душу.

Этого момента и ждал Иван. Он выстрелил одновременно, с двух рук, и тут же его тело пришло в движение. Он двигался интуитивно, не рассуждая и не выбирая для себя наилучшего пути. Тело всегда само находило единственный безопасный путь, нашло оно его и сейчас.

Коротким нырком он присел, одновременно спрятав пистолеты в карманы, и поднял в воздух стоящую рядом с ним старую деву, разразившуюся диким воплем одновременно с выстрелами. Ее тело, словно снаряд он метнул в охранника, который стоял рядом с машиной, метрах в трех от Ивана и тут же бросился следом сам.

Стоящие вокруг него люди, несмотря на всю свою воинственность, которую только что они демонстрировали генералу, при выстрелах бросились бежать в разные стороны. Те, что стояли к Ивану ближе всего, попадали на асфальт и прижимались к нему, закрывая головы руками.

Наступая на их спины, Иван в три прыжка оказался у машины. Ногой он оттолкнул барахтающегося перед машиной охранника, похожего со спины на поп-звезду и рывком распахнул дверь. Увидев выставленный шофером перед собой пистолет Иван не стал дожидаться выстрела или уклоняться от него. Он схватил шофера обеими руками за запястье, блокируя его пальцы и не давая нажать на курок, и выдернул из машины за руку. Пистолет шофера он наставил на второго охранника и ослабил хватку. Пальцы шофера рефлекторно согнулись и охранник, который уже подбегал к машине, споткнулся и упал ничком на лежащих на асфальте людей.

Иван был уже в машине. Шофер дано уже был готов везти генерала и мотор завел заранее. Иван выжал газ, машина взревела и, подпрыгивая колесами по ногам лежащих на асфальте людей, закрипела колесами по асфальту...

Последнее, что успел заметить Иван – объектив телекамеры, наставленный на него не примеченным раньше Иваном репортером и дырку в переднем стекле, неожиданно появившуюся перед ним.

«Охрана стреляет», – машинально отметил про себя Иван, несколько не обеспокоенный этим обстоятельством.

Его больше волновало, что от пулевого отверстия стекло подернулось звездообразными трещинками, и видимость через него резко упала. Иван перестал видеть – что у него впереди, куда он едет. Выбросив вперед кулак, он выбил стекло и едва успел выровнять машину, несущуюся прямо на стену соседнего с думой здания...

Через две секунды он резко повернул и скрылся за углом. Он машины нужно было срочно избавляться... Генеральская машина слишком хорошо известна и ГИБДД, и вообще – московским ментам.

Иван влетел в первый попавшийся двор, выскочил из машины, огляделся по сторонам, перемахнул через невысокий забор из чугунных пик и оказался на улице, по которой одна за другой спешили автомобили. Он вскинул руку и тут же остановил девятку, за рулем которой сидел мужчина лет тридцати с совершенно беспечным взглядом.

– Ховрино! – сказал Иван водителю.

Тот присвистнул.

– Это дорого станет, – заявил водитель.

Но Иван уже сам открыл дверку и сел рядом с ним.

– Поехали, – заплачу! – сказал он.

Повеселевший водитель тронул машину и покосившись на Ивана, сказал:

– Полтинник!

– Если быстро – заплачу сто! – ответил Иван.

Водитель все понял и больше вопросов не задавал. Тем более, что Иван вытащил из кармана туго набитый деньгами бумажник, достал из него стодолларовую купюру и бросил ее на приборную доску девятки.

Пока они выбирались из центра Москвы, у Ивана перед глазами стояло искаженное страхом лицо генерала Камышова. Врал генерал! Все врал! Других призывал отдать жизнь за Россию, а сам смерти боялся... Иван почувствовал приятную усталость после хорошо выполненного дела, и ему захотелось улечься в горячую ванну и лежать без движения, пока вода не остынет и его не начнет пробирать дрожь, а потом выбраться из воды, растереться до красноты грубым полотенцем и, заварив себе крепкого до черноты чая, улечься перед телевизором и смотреть, как в новостях будут сообщать о смерти генерала Камышова.

Все так и будет, подумал, Иван, стоит только добраться до Ховрино, где у него была одна из нескольких разбросанных по разным концам Москвы «чистых» квартир... Чистых – значит, известно о них только Ивану и больше – никому из людей, кто хоть когда-то его знал... В такой квартире он мог расслабиться и отлеживаться неделями, если это было ему необходимо...

По Новослободской девятка выскочила к Савеловскому вокзалу и свернула немного влево, оставляя вокзал в стороне. Пролетели по Бутырской и миновав железную дорогу, выбрались на Дмитровское шоссе.

Справа за машиной увязалась состязаться в скорости электричка, идущая по савеловской ветке, но быстро отстала, потому что водитель помнил обещание Ивана заплатить за скорость вдвое и не хотел терять хорошие деньги.

Вскоре савеловская ветка вильнула вправо, а девятка перескочила через рижскую ветку и через некоторое время за окнами уже мелькнул небольшой мост через Лихоборку. Водитель свернул с Дмитровского шоссе на Коровинское и спросил у Ивана:

– Куда тебе – справа от железной дороги-то?

– К платформе Ховрино, – ответил Иван.

Он не хотел называть адрес, не надеясь, что водитель будет молчать, если узнает Ивана в выпуске телевизионных новостей. В том, что пленку, на которой снято убийство Камышова дадут в эфир, Иван не сомневался. Такие сенсации в редакциях не залеживаются.

Девятка по улице Ивана Сусанина вырулила на Путейскую и остановилась прямо напротив остановки электрички. Водитель выключил мотор и взяв мотавшийся по панели ствольник, сунул его в карман. Иван не возражал. Желание спокойно отдохнуть у него пропасть еще не успело и было все так же сильно. Быстро доехали.

Иван вылез из машины и, прежде чем захлопнуть дверцу, наклонился к окну машины, заглянул в салон и сказал водителю:

– Если не хочешь, чтобы эти деньги стали последними, которые ты когда-нибудь держал в руках, тебе лучше забыть обо мне...

Водитель поморгал на него испуганными глазами и ничего не ответил.

«Зря! – подумал Иван. – Зря я его оставил в живых... Надо было...»

Но он даже не успел додумать – что надо было... Ему стало невероятно скучно убивать этого хлопающего глазами тридцатилетнего балбеса, который понятия не имел, насколько опасно подвозить таких людей, как Иван, когда они не хотят оставлять за собой следов. Когда стремятся к спокойствию и неподвижности. Когда ложатся на дно.

Иван хлопнул дверцей и, не оглядываясь, пошел прямо к своей квартире, не петляя и не пытаясь скрыть от водителя направление своего пути. Ему было безразлично – наблюдает за ним человек, который привез его в Ховрино на машине или нет...

За пять минут он добрался до улицы Базовской, зашел в молочку и купил сыру, колбасы и три килограмма апельсинов. В ларьке рядом с магазином Иван взял бутылку дешевого коньяка и мимо длинного ряда гаражей-ракушек, выстроившихся вдоль девятиэтажки, добрал до своего подъезда. Усталость все сильнее наваливалась на него, а вместе с ней и ощущение бессмысленности того, что он сделал сегодня вечером. Но думать об этом он не мог. Стоило представить лицо генерала Камышова, как его передергивало от отвращения, а плечи покрывались мелкими противными мурашками...

Поднявшись на лифте на свой девятый этаж и буквально ввалившись в квартиру, Иван содрал с себя одежду, пустил в ванну горячую воду и поставил телевизор на раковину. Он решил, что прошло уже достаточно времени, чтобы приготовить репортаж об убийстве к эфиру, только никак не мог сообразить, какая же программа об этой новости сообщит первой. Он сел на пол, закрыл глаза и сосредоточился. В памяти постепенно всплыл смотрящий на него объектив телекамеры. Да, на ней была эмблема «НТВ»...

«Героем, неверное, себя сейчас чувствует,» – устало усмехнулся Иван, подумав о репортере, поймавшем столь удачный момент перед выходом в Госдуму.

У самого Ивана настроение было далеко не героическое. На него наваливалась апатия, и он не знал, как ей сопротивляться. Он и не хотел ей сопротивляться.

Иван поставил рядом с ванной бутылку коньяка, наложил горкой в большой поднос апельсины, нарезал сыра и колбасы и, наконец, дождавшись этого момента, растянулся в воде, уже до половины заполнившей ванну...

Ему стало так хорошо, что с полчаса он даже не вспоминал о телевизоре. Какое-то оцепенение овладело Иваном и словно парализовало его тело. Любое движение казалось ему нарушением его покоя. Он мог бы лежать так сутками, но бульканье воды, заполнившей ванну и уходящей через верхний клапан, вывело его из состояния покоя.

Иван опустил руку за край ванной, достал коньяк и прямо из горлышка выпил половину бутылки. Он заел коньяк колбасой и сыром и, включив телевизор, принялся сосредоточенно чистить апельсин, бросая шкурки на кафельный пол. В голове от коньяка постепенно расплылось какое-то бесформенное, колеблющееся мутное пятно.

Полночные новости все каналы передавали одновременно. Иван переключился на НТВ, и на него сразу же уставилось опять вызвавшее у него мгновенное отвращение лицо генерала Камышова.

– Лидеры политических фракций Государственной думы по-разному оценивают это убийство, – донесся до него голос диктора. – И если коммунисты утверждают, что демократы показали, наконец, свой звериный оскал, то «яблочники» говорят о явной бессмысленности этого неожиданного для всех убийства. Оригинален, как всегда руководитель либерал-демократов. Убийство одного из лидеров компартии Владимир Вольфович назвал результатом сговора российских демократов с американскими гангстерами и утверждает, что его фракция располагает свидетельствами о том, что генерала Камышова убил американский киллер. Однако предоставить эти свидетельства на рассмотрение прокуратуры или специальной комиссии, составленной из депутатов Госдумы, отказывается.

– Наша студия, – продолжал диктор, – в отличие от чрезмерно скрытных жириновцев, готова прямо сейчас показать человека, который убил генерала Камышова. Наша дежурная съемочная группа оказалась на месте произошедшей сегодня трагедии и ей удалось снять на кинолентку сам момент убийства...

Иван доел апельсин, отхлебнул еще коньяка и принялся за вторую.

На экране показалась небольшая толпа людей, в центре которой можно было с трудом разглядеть генерала Камышова и стоящего перед ним Ивана с поднятыми на уровень головы двумя пистолетами. Репортер, судя по всему, заинтересовался происходящим только тогда, когда раздался крик старой девы, то есть – в момент выстрела.

Однако скорости его реакции можно было позавидовать... Если он не успел снять момент выстрела, то опоздал всего не доли секунды... Камера снимала генерала сзади и на экране хорошо было видно, как затылок Камышова разлетелся осколками, а стоящих рядом людей забрызгало генеральской кровью и его ненавидящим евреев мозгом...

Дальше Иван исчез из поля зрения, было видно только, как генерал падает на бок, как летит к машине тело старой девы, а за ним почти одновременно – устремляется спина Ивана. Когда Иван выдергивал водителя из машины, репортер решил показать лежащих на асфальте людей и труп генерала, поэтому и выстрела во второго охранника он снять не успел. Но вот в поле зрения опять возникла машина, быстрый наплыв выхватил напряженный взгляд Ивана, устремленный из машины прямо в камеру...

Иван ощутил легкое беспокойство от того, что его лицо, лицо убийцы показывают миллионам людей во всей России. Он никогда не стремился стать известным человеком, а в ситуации, когда он убивает свою очередную жертву – тем более это было нежелательно.

– Руководитель российских коммунистов обратился в нашу редакцию с просьбой сказать несколько слов своим единомышленникам в связи с постигшей их трагедией, – заявил диктор, чем несколько удивил Ивана.

«С каких это пор НТВ проявляет лояльность к коммунистам? – подумал он. – Наверное это стоило КПРФ немалых денег».

На экране возникло квадратное лицо коммунистического лидера. Он постарался придать своему мрачному лицу выражение серьезной озабоченности, отчего оно приобрело некоторую озлобленность. Впрочем, это хорошо сочеталось со смыслом того, что Иван из его уст услышал.

– Товарищи! Друзья! – сказал он. – Нас постигло горе! Убит рукой наемного убийцы один из лучших наших товарищей, генерал Камышов... Светлая память его светлому имени... Я верю, что его именем когда-нибудь назовут теплоходы и улицы российских городов. Я не буду говорить, кому выгодно было это убийство. Вы и сами это прекрасно знаете.. Пусть смерть генерала Камышова останется на совести этих грязных заказчиков политического убийства! Но человек, который получил их грязные деньги и за эти деньги убил прекрасного человека и патриота России, уйдет от возмездия. Мы знаем его в лицо. Вы все знаете его в лицо... Лицо дегенерата, опасного дегенерата, которого нужно найти и уничтожить... В связи с этим... Призываю вас, товарищи! – если этот человек встретится вам на пути – уничтожьте его тоже!

Раздавите эту наемную гадину! Эта жалкая наемная тварь еще узнает, что такое гнев народа! Он еще почувствует, как горит под ногами земля у тех, кого народ приговорил к смерти...

Иван принялся за новый апельсин. Угрозы коммунистического лидера казались ему столь же не реальными, как шторм в мультфильме про капитана Врунгеля.

«Этот коммунистический Врунгель дождется, что отправится по следу Камышова!» – пробормотал Иван, пытаясь вызвать в себе неприязнь или гнев в адрес оскорблявшего его главного коммуниста России.

Но он по-прежнему не испытывал ни малейшего желания вылезать из ванной. Иван слегка шевелил ногами и наслаждался обжигающей при движении водой. Судьба расстроенного смертью генерала лидера коммунистов его несколько не интересовала, так же, как и его слова. Все это входило теперь в сознание извне, а не напрямую изнутри, как со словами Камышова, тесно перепутавшимися в голове Ивана с его чеченскими воспоминаниями.

Иван переключил телевизор на другой канал, но там тоже передавали комментарии московских политиков по поводу убийства генерала Камышова. Иван слушал эти рассуждения усмехаясь. Каких только самых диких предположений не высказывали эти на вид очень серьезные люди. Послушав минут пять рассуждения о том, что политическая борьба в России обостряется и принимает размеры политического террора между фракциями, Иван понял, что не осталось в России ни одной политической силы, на которую не пытались бы повесить совершенное им убийство генерала. Каждый старался повернуть ситуацию в свою сторону, но каждый при этом выворачивал ее предварительно наизнанку. Иван тут же понял, что это происходит не от глупости или ограниченности этих людей, занимающихся политикой. Они все прекрасно понимают, но москвичей и вообще всех россиян считают полными идиотами, готовыми поверить в любой бред.

«Впрочем, – решил Иван – идиоты и есть, раз сумели выбрать таких людей в думу!

Его перестала интересовать вся эта мышьяная возня. Иван выключил телевизор и вновь застыл неподвижно в воде... Коньяк легко и ласково, словно женщина у своей груди, покачивал его на волнах того моря, которое он себе представлял, лежа в ванной и стараясь не думать ни о чем.

Глава вторая

Спокойное существование Ивана прекратилось буквально на следующее утро. Он проснулся на кровати, хотя совершенно не помнил, как он до нее добрался. В ванной он нашел пустую бутылку коньяка и пустой поднос с горой апельсиновой кожуры. От одной мысли об апельсинах его начинало сильно мутить.

Они заглянул в холодильник, но минеральной воды, о которой сейчас просто мечтал, там не обнаружил. Мысль о том, что придется спускаться в магазин, вызвала у него раздражение, но он смирился с ней как с неизбежностью. Значит, придется идти.

Иван оделся, прихватил с собой «макаров», без которого он никогда не выходил на улицу и спустился на лифте на первый этаж. Выходя из подъезда он поймал на себе какой-то недомысленный взгляд мужчины с собакой, идущего ему навстречу. Иван тут же уловил запах угрожающей ему опасности. Он только сейчас сообразил, что на нем та же самая джинсовая куртка, в которой он был вчера возле Государственной думы. И даже зубами заскрипел от досады на самого себя.

«Надо же было так напороться, чтобы ни о чем не помнить! – раздраженно подумал он. – Теперь жди неприятностей...»

Неприятности для него сейчас заключались в необходимости убежать, скрываться, в кого-то стрелять, кого-то бить, вновь где-то прятаться, в общем проявлять ненавистную ему сейчас активность. Единственное, что он хотел сейчас – да литра минеральной воды и диван, на котором можно пролежать без движения сутки...

Мужчина несколько раз оглянулся на Ивана, но ничего не предпринял.

«Может быть еще обойдется?» – подумал Иван, хотя уже наверняка знал, что – нет, не обойдется.

Не успел он дойти до магазина, как почувствовал на себе еще несколько таких же неопределенных взглядов, от которых несло интересом, смешанным со страхом, а то и откровенной ненавистью...

Иван почувствовал себя обнаженным на большой арене, вокруг которой собрались одетые зрители. Они все смотрели на него и показывали пальцами на Ивана. Они все хотели его смерти. Вернее, он и вышел на эту арену для того, чтобы умереть...

Еле сдерживаясь, чтобы не выхватить пистолет, Иван свернул за угол в надежде, что на соседней улице народу будет поменьше... Метров сто ему удалось пройти неузнанным, и это его несколько успокоило.

Но у следующего перекрестка он буквально столкнулся со старушкой в роговых очках, которая через них в упор глядела на Ивана. Она указала на него своей пенсионерской клюшкой и закричала:

– Убийца! Это его показывали вчера по телевизору! Он убил генерала!

Прежде, чем Иван успел что-либо сообразить, его рука уже выхватила пистолет и нажала на курок. На месте правого глаза старухи появилась дыра, которую хорошо было видно сквозь выбитое пулей стекло очков. Старуха, так и не закрыв рот, завалилась на спину. Клюшка ее отлетела далеко в сторону.

Крики вредной старушечки прекратились, но их слышали редкие прохожие, которые спешили в этот рабочий день по одним им ведомым делам. Иван не сомневался, что хотя бы один из них позвонит в милицию. А та радкам будет проявить свое рвение... Спустя несколько минут вмешается ФСБ во главе со старым знакомым Ивана генералом Никитиным и ему придется уже иметь дело с высококвалифицированными профессионалами из отряда «Белая стрела»...

Иван даже коротко простонал от бессилия изменить эту ситуацию. У него остался единственный выход – бежать... Он коротко огляделся. Бежать, собственно, было некуда. Его окружало открытое пространство улиц Базовской и Весенней. Иван понял, что у него есть пара секунд на то, чтобы принять решение и минуты три, чтобы это решение воплотить в действие. Он знал оперативность, с какой при необходимости, ФСБ окружает несколько московских кварталов, не выпуская за кольцо патрулей живыми даже кошек...

Выскочив на середину проезжей части Весенней, Иван обеими руками выставил пистолет перед собой и не выбирая цели выстрелил в лобовое стекло первой попавшейся машины, которая довольно с большой скоростью мчалась на него. Он знал, что водитель успеет увидеть наставленный на него пистолет и затормозить.

Хлебный фургон завизжал тормозами и остановился в нескольких метрах от Ивана. Он бросился к машине. Водитель сидел, уткнувшись головой в рулевое колесо. Он был мертв, без всякого сомнения.

Иван не мог промахнуться в такой элементарной для прицельной стрельбы ситуации. Ему приходилось выбивать девяносто пять из ста и в более сложных условиях. Например, когда машина переворачивалась и вертелась в воздухе, а самого Ивана выбрасывало взрывной волной из второго этажа стоящего в тридцати метрах от дороги дома. Были такие упражнения в лагере спецподготовки, который он прошел, готовясь к отправке в Чечню...

Иван сдвинул мертвого водителя на место пассажира и включил зажигание заглухшего от резкого торможения мотора. Фургон медленно набрал скорость и двинулся по Весенней на Базовскую, а затем – к Коровинскому шоссе.

Москву Иван знал неплохо и хорошо помнил, что рядом с Кольцевой, до которой было совсем недалеко, находится старое кладбище, на котором в летнее время живут бомжи из Химок и Ново-Киреево. Еще чуть дальше расположено еще одно кладбище, – в небольшом лесу, в котором полно пионерских лагерей и ведомственных баз отдыха. Одна из таких баз лет десять уже стояла заброшенной, на ней устраивали игры в «терминатора» новокиреевские пацаны, но после того, как Иван по просьбе Крестного убил там одного из задолжавших ему заказчиков, пацаны стали бояться этого места. Иван тогда повесил обосравшегося со страха чиновника из министерства торговли на кронштейне для фонаря над входом в полуразрушившуюся столовую...

Сигнал перехвата, который неизбежно передает уголовка во всех случаях, когда уходящий от нее человек использует транспорт, предусматривает наиболее активные действия только в пределах кольцевой дороги. Иван знал, что машина может понадобиться ему только до кольцевой, там его неизбежно остановят, а если он не подчинится – откроют стрельбу... Устраивать шум на пути своего отхода ему не хотелось... Он бросил хлебный фургон с мертвым водителем у последних к кольцевой зданий и устремился прямо через дорогу пешком, уворачиваясь от летевших по ней машин.

Перейдя кольцевую и оказавшись в лесу, Иван почувствовал себя намного спокойнее. Здесь было гораздо безопаснее, чем в черте Москвы. Опасаться можно было только случайных контактов, которых Иван умел избегать, а если избежать не удавалось, лучше всего было – устранить свидетеля. Причем сделать это нужно было самым тривиальным способом, не оставляя автографа в виде нетрадиционного способа убийства, к которым Иван имел некоторую склонность. Например, просто всадить нож в спину или в живот и обшарить карманы, создав видимость ограбления...

Иван взял правее, чтобы обойти крупный санаторий-профилакторий, раньше принадлежавший АЗЛК, а теперь приобретенный одним из московских банков. За сорок минут неторопливой ходьбы он дошел, наконец до ключей из которых брала начало короткая речушка Бусинка, исчезающая под насыпью московской кольцевой дороги. Куда она девается, Иван не

знал, скорее всего питает собой какое-нибудь подземное болото или небольшие пруды в районе Коровино.

На знакомой Ивану базе не было ни души. Слишком мрачное было в представлении окрестных жителей место. Все что можно было отвинтить, оторвать и отломать, было уже отломано и увезено, и глаз Ивана радовали безжизненные развалины бывших корпусов базы отдыха. Года два назад Крестный организовал в одном из подвалов главного корпуса «отстойник» лично для себя... Там можно было отсидеться спокойно хоть месяц, хоть год. Вход в него был надежно замаскирован и кроме самого Крестного и Ивана о его существовании не знал никто. Это было что-то вроде хорошо запрятанного от посторонних глаз бомбоубежища с автономным снабжением водой и электричеством. Запасов продовольствия, конечно, из непортящихся продуктов, было более, чем достаточно. Крестный всегда боялся голодной смерти...

«Ну так он и умер не от голода!» – мрачно усмехнулся Иван, вспомнив, как ломал его старческое жилистое горло под водой после ночного падения с моста в Москву-реку...

Ключ от подвала был спрятан недалеко от входа и Иван без особого труда разыскал его.

Войдя в подвал и захлопнув за собой тяжелую дверь, Иван, наконец, почувствовал себя в совершенной безопасности...

Его окружали темнота и безмолвие. И это как нельзя лучше соответствовало состоянию его души – темной и не способной уже откликнуться ни на чей зов.

Иван нашарил рукой на стене массивный выключатель и повернул его, включая освещение. Но свет не зажегся. Выругавшись, Иван достал из кармана зажигалку и осветил стену. Он сразу увидел обрывки проводов с содранной дочиста изоляцией. Идущая по стене внешняя электропроводка была безнадежно испорчена.

«Крысы, – понял Иван, заметив на полу под стеной несколько обглоданных крысиных скелетиков. – Так они могли тут сожрать все!»

Он имел в виду запасы сухого пайка, которыми Крестный забил один из углов обширного подвала. Если крысы съели все запасы, Иван не сможет отсиживаться здесь долго и вынужден будет вновь вернуться наверх. Голод рано или поздно выгонит его к людям.

Колеблющийся огонек зажигалки не давал возможности увидеть весь подвал сразу и от этого он казался огромным, протянувшимся на сотни метров в каждую сторону кроме одной, ограниченной стеной, в которой находилась дверь. Однако стоило Ивану сделать несколько осторожных шагов вглубь казавшегося неограниченным пространства, как из темноты вынырнула груда деревянных ящичков у стены сваленных на пол вперемешку с картонными коробками. С верхних ящичков метнулись вниз несколько быстрых теней.

Крыс Иван совсем не опасался. Ему приходилось каждую ночь спать на полу чеченского сарая и крысы бегали по его телу так же свободно, как по безжизненному предмету. Едва только самая смелая из них принималась хватать его зубами за пальцы ног или уши, Иван быстрым и точным движением бил ее рукой или ногой и она летела с переломанным позвоночником на съедение к своим прожорливым собратьям. Иван при этом даже не просыпался.

Его сейчас беспокоило другое. Если крысы источили и перепортили в подвале абсолютно все, он не сможет здесь остаться...

Иван подошел к ящичкам и поднял лежащую сверху картонную упаковку. Внутри у нее сильно зашуршало и вместе с ворохом бумажной трухи и ленточек фольги из коробки вывалилась толстая большая крыса. Она тяжело шмякнулась к ногам Ивана и не спеша отползла в сторону. Иван понял, что коробки с шоколадом все распотрошены. Та же участь, скорее всего постигла и остальные продукты, хранившиеся не в металлической таре, а в картонной или бумажной.

Расшвыривая пустые картонные коробки, наполненные одной трухой и крысиным пометом, Иван свалил на пол что-то тяжелое. Раздался звук, словно что-то раскатилось по полу. Он

посветил зажигалкой и увидел горку консервных банок, валявшихся у его ног. Иван поднял одну, прочитал название: «Завтрак туриста».

«Идиот! – подумал он о мертвом Крестном, который затарился этими полусъедобными консервами. – Не мог что ли получше что-нибудь выбрать?»

Но дальнейшие его поиски среди ящиков и коробок значительно разнообразили ассортимент уцелевших от крыс продуктов. Он обнаружил с десяток ящиков разнообразных рыбных консервов и даже пару десятков стеклянных баночек черной икры. Отдельно стояли на полу ящики с гаванским ромом – любимой выпивкой Крестного. Иван выругался, он терпеть не мог это отвратительное пойло, но ничего другого не было. Сойдет и это.

Иван успокоился и даже повеселел. Выходить из подвала не было необходимости по крайней мере неделю. Правда не было ни кусочка хлеба или какой-нибудь крупы, но на консервах он мог продержаться сколько угодно долго.

Разыскав продукты, Иван продолжил осматриваться в подвале и нашел огромный стеллаж, занимавший целиком одну из стен. Иван обрадовался находке и принялся рыться на полках при свете зажигалки.

Посуда, стаканы, груда источенной крысами бумаги, вероятно, какие-то книги, которые Крестный собирался читать во время вынужденного сидения в подвале, если такое случится... Наконец, он наткнулся на огрызки парафиновых свечей, от которых остались одни фитили и здесь же обнаружил электрический фонарик-жучок с маленьким электрогенератором, работающим от нажатия пальцев.

Иван вспомнил, что в глубоком детстве у него был такой и принялся машинально сжимать рукоятку. Раскалившуюся зажигалку можно было потушить. С фонариком дело пошло быстрее. Иван разыскал керосиновую лампу, под стеллажом нашел канистру с керосином и вдруг потерял всякий интерес к этому хламу, в котором рылся...

Он зажег лампу, отчего подвал наполнился неровным светом, и пространство сразу уменьшилось от вынырнувших из темноты стен. Иван сразу определил, что в одном из углов устроена раковина, открыл кран и с удовлетворением убедился, что вода идет, хотя и ржавая. В другом углу он нашел грубо сколоченный топчан с грудой какого-то тряпья на нем. Рядом лежал дочиста обглоданный скелет человека с редкими лоскутками одежды на костях...

Несколько минут Иван в недоумении смотрел на лежащий на полу голый череп, пока не понял, что это, без всякого сомнения один из шестерок Крестного, который таскал сюда все это барахло и продукты. О подвале не должен был знать никто и Крестный просто убил этого человека, поступив в полном соответствии с нравами зарывавших на островах свои сокровища пиратов вроде капитана Флинта. Свидетель остается охранять то, что он видел и никому не сможет передать тайну, которую знает сам...

Иван взял череп в руки и нашел в лобовой кости небольшое круглое отверстие. Выходит, Крестный, который так боялся убивать людей из-за страха перед своей смертью, все же иногда пересиливал свой страх. В тех случаях, когда другого выхода не было...

Например, когда ему нужно было убить Надю, из-за которой Иван чуть было не порвал с Крестным и не ушел из-под его контроля.

Воспоминание о Наде, о которой Иван стал последнее время забывать, вдруг наполнило его болью и смятением. Иван вспомнил их безмолвные ночи, когда он прижимался к ее груди и ему становилось сладко и спокойно, как в детстве, когда он засыпал вместе с матерью под одним одеялом, прижимаясь к ее теплоте и такому надежному животу, а все страхи оставались где-то далеко, за пределами ее комнаты.

Встретив Надю, Иван решил, что возможно вернуться назад, забыть Чечню и смерть друзей, забыть чеченский плен и гладиаторские бои на арене за кругом костров, забыть рев зрителей, поставивших на него свои деньги, когда он голыми руками убивал противника и оставался

в живых только для того, чтобы проведя ночь на цепи в сарае с крысами завтра вновь выйти на очередной бой...

Надя дала ему надежду на другую жизнь. Дала возможность заботиться о себе и испытывать тревогу за ее жизнь – чувства, о существовании которых вернувшийся из Чечни Иван забыл, словно они и не существовали вовсе... Его оттаявшая душа рванулась к этой женщине и почувствовала в ней смысл своего существования...

Те немногие ночи, которые Иван провел вместе с Надей, встали перед ним во всей своей безжалостности напоминая о том, что он сейчас назвал бы счастьем.

Он погружался в ее тело, забывая, что есть на свете что-либо другое, кроме этой женщины, дороже которой для него нет ничего на свете и ее тела, желаннее которого ничего нельзя и придумать... И он погружался в него вновь и вновь, стараясь войти в него без остатка и раствориться в этой женщине, спрятавшись от жестокого и ненавистного мира за окнами их спальни, мира, в котором есть Крестный и Чечня, есть убийство и смерть...

Они вместе с Надей начинали вскрикивать от переполнявшего их ощущения соединения и обоим одновременно казалось, что мир взрывается для того чтобы они соединились в одно единое существо. И они соединялись на какое-то неуловимое мгновение для того чтобы тут же распасться вновь и испытывать вновь непреодолимую тягу к такому соединению... Потом они долго лежали в постели и гладили тела друг друга с благодарностью и нежностью, которая вновь переходила во вспышку желания и все повторялось снова и снова...

Иван застонал от боли, вспомнив огромные темные Надины соски и так притягивающий его темный треугольник внизу ее живота. Ни с какой проституткой он не сможет испытать того чувства, которое испытывал в постели с Надей. Ни одна женщина не сможет вновь оживить его душу...

Единственное, что он мог теперь сказать себе – у него была Надежда, Надя. Теперь она умерла... Весте с ней что-то умерло и в Иване, не замерзло, как в Чечне, а умерло и на этот раз – навсегда.

Иван упал на топчан, спугнув с него трех крыс, и застонал. Душа в нем корчилась, не желая расставаться с Надеждой и цеплялась за воспоминания, потому, что больше ей не за что было цепляться...

Иван что было силы стукнул себя кулаком по ноге, но боль от удара не сняла боли внутри. Боль требовала выхода, иначе она просто грозила разорвать Ивана изнутри... Он приподнялся схватил с пола первое, что попало под руку и запустил в лампу. Стекло зазвенело и расколосось. Лампа свалилась на бок, но керосин не вытек и не вспыхнул. Фитиль покоптил еще несколько секунд и погас, погрузив подвал в полную темноту.

Сразу стало легче. Бетонные стены подвала исчезли и не напоминали всей своей реальной грубостью о невозвратности Ивановых потерь... Та, что умерла – не воскреснет. То, что было – не повторится...

Иван сообразил, что попало ему под руку на полу. Череп. Бывшая голова. Помимо его воли в его руке возникло физиологическое воспоминание о том, как он держал в ней же другую голову. Голову человека, убитого им. Иван оторвал ее в честном бою в кругу чеченских костров...

Сидя в полной темноте, Иван вспоминал этот бой и в его глазах словно загорались отсветы костров, окружающих арену, а уши наполняли хриплые крики чеченцев, делающих ставки на одного из двух бойцов, которые должны драться сегодня вечером через несколько минут.

Его соперника взяли в плен только да дня назад и он не высоко котировался среди знатоков и любителей человеческого рукопашного боя. Но Иван знал, насколько ложным бывает мнение знатоков, привыкших верить только в то, часто они видели собственными глазами. В конце концов не им сегодня выходить на арену и на себе проверять силы и умение в драке

этой «темной лошадки»! Это должен будет сделать Иван. Иван никогда не доверялся мнению знатоков и предпочитал узнавать о сопернике все уже в ходе поединка. Разведка боем – самая надежная разведка, раскрывающая и сильные и слабые стороны твоего соперника.

Хозяин Ивана, обычно подолгу растолковывающий Ивану перед началом поединка все, что ему известно о сегодняшнем противнике, на этот раз ограничился кратким восклицанием: – Э-э! Дрянь, а нэ воин!

«Откуда тебе-то это известно, чернобородая сволочь? – подумал в ответ Иван, но промолчал, поскольку спорить с чеченцем не имело никакого смысла.

Не все ли равно, силен или слаб сегодняшний противник? Иван в любом случае должен его победить, поскольку проигравший как правило – умирает. По требованию зрителей победитель обязан его добить, хочет он этого или не хочет... На памяти Ивана зрители ни разу не потребовали побежденного оставить в живых...

Последнее время Иван дрался каждый день и каждый день, естественно побеждал. Это означало, что он каждый день оставался в живых. Но помимо всего прочего это же означало, что он каждый день убивал своего соперника голыми руками. Он каждый день дышал свежей кровью убитых им людей и его ноздри перед боем уже заранее раздувались в предвкушении этого пьянящего запаха. Запах крови побежденного врага означал, что ты сам – жив и ты будешь жить до завтрашнего вечера, до следующего боя. Дальше в будущее Иван никогда не заглядывал. Это было просто бессмысленно.

Так и сегодня Иван знал что они жив до начала боя, а дальше начинается отрезок жизни, не имеющий ни начала, ни конца – только бесконечное время борьбы за жизнь и за право распоряжаться другой жизнью и чужой смертью. В это время Иван боролся не только за свою жизнь, но и за жизнь всех своих предков, бесчисленной чередой стоящих за его спиной, и за возможность продолжения этой череды в будущее...

Соперник Ивана вышел на арену первым и близоруко шурился на пылающие по углам лесной поляны костры. Он был высокий и длиннорукий, что в рукопашном бою всегда оценивается как преимущество. Правда, чем выше человек, тем труднее ему координировать свои движения с необходимой для победы быстротой. Иван знал об этой особенности и хотя соперник был на голову выше его, не считал это решающим преимуществом в предстоящей им схватке.

Высокий, как сразу же окрестил его Иван, смотрел на костры с некоторым удивлением. Иван не понял, что его удивляет, пока не сообразил, что Высокого поразили зрители, жарко спорящие за кострами о том, кто победит в схватке. Еще бы не спорить!

Ставки на этих боях порой бывали такие, что за один вечер можно было выиграть столько, что хватило бы на дом в Грозном и калым за двух жен, а можно было и проиграть не меньше. Все зависело от азарта игрока.

Однажды чересчур азартный чеченец, профессиональный игрок, приехавший специально из Шали на бой Ивана, которого к тому времени прозвали Непобедимым, уломал его хозяина и вышел против Ивана сам, вооружившись своим древним родовым кинжалом...

Он так размахивал перед Иваном этой узкой полоской стали, что у того рябило в глазах. Наконец, Иван точным ударом выбил ему правую руку из сустава и она бессильно повисла вдоль тела. Чеченца спасло только то, что он был профессиональным игроком и видел немало боев на своем веку. Он прекрасно знал, что будет дальше. Поэтому он стремглав удрал с арены под дружный и довольный хохот зрителей. Благо, он имел возможность это сделать, поскольку вышел на бой по собственному желанию. Другие бойцы должны были находиться на арене до тех пор, пока могут двигаться. Дальше их судьбой распоряжался победитель.

Иван вышел на арену и посмотрел сопернику в глаза. Там было удивление и – злость. Злость на жизнь, случай и судьбу, что закинула его в круг этих костров и заставляет сражаться за свою жизнь. Иван понял, что Высокий – очень серьезный противник. Он не думает о своем

поражении. он думает только о победе, только о том, что останется в живых. А побеждает тот, давно уже сделал вывод Иван, кто сильнее хочет жить...

Иван двинулся на него первым, как только прозвучала длинная очередь – сигнал к началу боя. но это была не настоящая атака, а лишь симуляция нападения, Иван хотел проверить его скорость реакции и манеру защиты. Неожиданно парень тоже рванулся к Ивану и вместо того, чтобы уйти вправо, что было самое логичное и естественное в данной ситуации и далеко вперед вытянув свои руки, обхватил ими Ивана за предплечья, гася силу возможного удара, под который в этот момент он подставлялся...

Иван растерялся лишь на долю секунды. Он тут же упал на спину и, выставив колено вперед, принял на него тяжесть Высокого. по инерции тот перелетел за голову Ивана. Но рук не расцепил, так и оставшись соединенным с Иваном мертвой хваткой своих длинных пальцев. Короткими рывками он передвигал свои пальцы все выше по рукам Ивана и уже цеплялся за его плечи...

Иван забеспокоился не на шутку. Этот Высокий оказался настоящим липучкой. Иван еще дважды бросил его тело через себя – один раз через бедро, второй – через плечо, но каждый раз каким-то невероятным образом пальцы Высокого оставались словно приклеенными к телу Ивана... Ударить руками Иван не мог, мешали руки парня, а ногами мог бить только по его ногам, выше – не доставал, сказывалась разница в их росте...

Правая рука Высокого добралась до Иванова горла и буквально впилась в его шею. Иван изо всех сил напряг мускулы шеи, не давая пальцам парня воткнуться между своих мускулов и проткнуть шею...

За линией костров раздался неистовый вой – зрители поняли, что происходит на арене. Прославленный непобедимый Иван попал в очень сложную ситуацию. Еще немного и длинный и худой новичок его задушит. Вот в такие моменты люди за несколько секунд становятся баснословными богачами или проигрывают родовые состояния.

Тактика высокого парня была понятна и проста – чтобы не делал с ним противник – не выпускать его тела из рук и постепенно передвигать свои пальцы к его горлу. А когда он доберется до тонких шейных артерий и хрупкой гортани, он сумеет обеспечить себе победу...

Иван уже почти испугался и едва не проиграл. Страх всегда рождает суетливость из-за которой боец совершает массу ошибок. но вместе со страхом в Ивана вошла ярость непобежденного ни разу бойца и вытеснила страх. Теперь он знал наверняка, что убьет этого цепкого паука с человеческими руками, хотя и не знал – как. Древняя вражда людей и пауков, существ принципиально разных по своей природной организации проснулась в Иване и повела его за собой к очередной победе...

Он совершил абсолютно нелогичный поступок, который и спас ему жизнь. Вместо того чтобы суетиться и отчаянными рывками пытаться стряхнуть с себя прилипшего к нему соперника, Иван остановился на секунду и опустил руки. Со стороны могло показаться, что он прекратил сопротивление и отдался на волю провидения. Но это было вовсе не так. Иван ждал ошибки, которую должен был совершить неопытный в схватках боец, и он ее дождался...

Не понимая, почему Иван прекратил сопротивляться его стремлению к его шее, Высокий решил воспользоваться неподвижностью своего врага и сразу сомкнуть обе руки на его шее. Он лишь на секунду оторвал обе руки от тела Ивана для того, чтобы перехватиться ими в последний раз и нанести последний удар – задушить Ивана. Но Иван этим последним моментом и воспользовался. Едва руки парня отцепились от его тела, он словно провалился вниз, лишая того возможности вновь в него вцепиться.

Иван упал парню под ноги и сильно ударил его пол яйцам. Парень застыл от боли, поднимавшей его словно в воздух и заставлявшей приподниматься на цыпочки, одновременно закрывая руками травмированную область промежности... Иван давно уже встал на ноги и был готов к удару. Он ни на секунду не пожалел этого парня.

Напротив он хотел его убить, он верил в Смерть, дающую силу убийце, продлевающую его жизнь, если он не боится своей госпожи и возлюбленной. Иван любил Смерть особенно в такие моменты – перед нанесением решающего удара. Он отскочил на несколько шагов коротко пробежался и коротким вращением в прыжке разогнал свою окаменевшую от ежедневного хождения босиком пятку до скорости боксерской перчатки при прямом ударе в голову. Он попал в висок и парень упал, так и не успев оторвать рук от своих яиц.

На мгновение онемевшие зрители разразились воплями разочарования и радости. Но Ивана не отрезвила победа. Он не мог остановиться над телом поверженного врага и ждать решения зрителей – оставить ли его в живых. Он жаждал смерти, жаждал насладиться видом его крови и запахом овладевшей его врагом Смерти.

Иван прыгнул на тело Высокого и если бы у него были когти и клыки, он начал бы рвать его тело на части. Но у него были только руки, сильные и умелые в убийстве руки, которыми он мог действовать не хуже, чем оружием. Об этом знали многие из его противников и опасались его рук сильнее, чем холодного оружия.

Иван сел на плечи сваленному на землю противнику и обхватил его голову ногами. Схватив его за волосы, он резкими поворотами по часовой стрелке повернул его голову на триста шестьдесят градусов, разъединяя хрящевые связки между шейными позвонками. Затем остановился перевел дыхание, встал на плечи парня ступнями и длинным мощным рывком оторвал голову от его туловища... Крик торжества вырвался из его глотки, когда он поднял над своей головой голову убитого им врага, из которой на его волосы и лицо сочилась кровь из оборванных артерий... Кровь стекала по лицу Ивана и он вдыхал ее пьянящий запах...

Трибуны вновь затихли, теперь уже пораженные тем, что они увидели. Таким Ивана не знал еще никто. Таким он и сам себя не знал. Но ему было невыразимо приятно держать на вытянутых руках голову врага и смотреть на зрителей сбившихся в кучу за костром и вцепившихся в свои кинжалы, словно Иван мог броситься на них и разорвать их на части просто голыми руками.

Чеченцы за линией костров тоже были его врагами и постепенно эта мысль пробилась в сознание Ивана. Он с размаха швырнул голову Высокого в зрителей и они шарахнулись от нее словно от бомбы, хотя наверняка не одному из них приходилось отрезать головы своим пленным, но то пленным. А тут – голыми руками...

В тот вечер хозяин Ивана забыл дать короткую очередь в знак окончания боя и не пришел проверить после получения выигрыша, как там его пленник, не оборвал ли цепь, на которую его сажали каждой ночью...

А Иван ворочаясь ночью на своей соломенной подстилке и, сладострастно улыбаясь при воспоминании, с каким лопающимся звуком оторвалась голова от тела, вдруг вспомнил, что про одного из бойцов его отряда, мрачного, медведеподобного автоматчика по кличке Гризли, ходили рассказы, что он отрывал чеченцам головы голыми руками. Причем именно так, как это сделал сегодня Иван.

«Значит, не вдали ребята,» – подумал удовлетворенно Иван и спокойно заснул в ту ночь...

Но в эту ночь в подвале, в котором он прятался от преследующих его москвичей, Иван заснуть не мог. Он вдруг почувствовал непреодолимое отвращение к себе самому. К крови, которая лилась на него из той оторванной головы. Он тихо зарычал от бессилья и невозможности что-то изменить в прошлом и вновь упал на грудь пахнущего пылью и плесенью тряпья на топчане...

Его жизнью всегда кто-то распоряжался понял Иван. Сначала начальник лагеря спецподготовки, который не мог нарадоваться на столь способного воспитанника и хвалился его успехами перед каждым проверяющим из ФСБ, попадающим в Рыбинский спецлагерь. Потом – кто-то из высших чинов ФСБ, направивший в Чечню тот отряд, командиром которого поста-

вили Ивана. Потом – обстоятельства, которые вынуждали его отряд скитаться по чеченским горам, чтобы остаться в живых и не попасть в плен. Еще позже – хозяин чеченец, заставлявший Ивана каждый вечер убивать и тем самым убивавший его самого, его тело и душу.

Когда взбунтовавшийся Иван вырвался из ненавистной Чечни и попал в Москву, им начал распоряжаться Крестный, чутко уловивший в Иване тягу к смерти, принявшую вид потребности ежедневного убийства. В Иване это была вера в Смерть, в ее всесильность и тем самым, в свою силу... Но вот теперь, он, убивший столько людей, непобедимый ни на чеченской арене, ни в Москве Иван, сидит в вонючем подвале, и не может показаться среди людей, потому что они все, все вместе – против него.

Что-то случилось с жизнью, думал Иван, которому вдруг стало скучно и неинтересно убивать других. Он перестал верить Смерти, перестал чувствовать у себя за спиной ее ежеминутное присутствие. Он потерял веру в Смерть и одновременно с этим – интерес к жизни.

Иван понял, когда это случилось. Не тогда даже, когда он узнал о смерти Нади. Это было тяжело, но после этого он мог жить и стремиться к цели, которая у него была – убить Крестного, взорвавшего Надю в высотке на площади Восстания. Но когда он достал, наконец, Крестного и разодрал под водой его горло, смысл жизни ушел из его существования и осталась только инерция движения во времени, которая и занесла его в этот подвал, словно нарочно, чтобы дать ему возможность понять, что с ним произошло...

Он был постоянно не свободен от чужой воли, он был марионеткой в чужих руках, хотя и не сознавал этого никогда. Напротив, ему казалось, что он самая свободная на свете личность, что убивая других, он осуществляет только свою личную волю... На самом деле свободным он стал только сейчас, когда оборвались его связи с жизнью... Друзья, Надя, Крестный, мать с отцом... Все остались в прошлом, всем они умерли, всех забрала Смерть, которой он столько лет слепо поклонялся до сегодняшнего дня...

Родители... Мать, парализовавшая его волю своей слепой эгоистической любовью и не допустившая в его жизнь женщину раньше, чем его увлекли другие дела, в которых участвуют одни мужчины. Мужчины без женщин, как сказал его любимый писатель... И еще – победитель не получает ничего. Он, Иван был победителем, он пережил всех своих врагов и... У него нет абсолютно ничего...

Иван вновь почувствовал себя голым на многолюдной площади. Люди смеялись над ним и показывали на него пальцем... Он закричал зубами и вспомнил отца.

У отца были две отвратительные привычки, которые настолько раздражали Ивана, что он готов был задушить его своими тогда еще детскими руками. Отец постоянно скрипел зубами и еще – чавкал во время еды, невольно провоцируя Ивана вскакивать из-за стола и уходить в другую комнату... Но сказать об этом отцу Иван не мог. Он чувствовал, что дело тут не в том, что отец не закрывает рот, когда жует, это только повод для ненависти...

«Хорошо, что он вовремя умер, – подумал Иван. – А то бы я его однажды просто убил...»

Отец первым начал подавлять его волю и породил в Иване жуткое сопротивление, которое стремился переломить и заставить непослушного сына поступать, как считал нужным он. Мать иногда заступалась за единственного сына. Но это только рождало скандалы между родителями и не давало никаких других результатов...

Иван хорошо помнил, как он впервые ударил отца. Ивану было тогда пятнадцать лет и его ненависть к отцу достигла предела. Тот же заставлял Ивана каждый день завтракать с собой за одним столом и при этом немилосердно чавкал. У Ивана от отвращения мурашки бегали по спине, он сидел как на иголках и постоянно вскакивал из-за стола. Но отец каждый раз окриком возвращал его обратно. Наконец, Иван начал подозревать, что отец знает, что Ивана сильно раздражают звуки, которые он издает во время еды, и старается нарочно погромче чавкать и скрипеть зубами, когда Иван сидит за кухонным столом вместе с ним...

Однажды Иван, не выдержав такого издевательства отца, прекратил есть и, положив вилку на стол, выпрямился на своей табуретке... Отец посмотрел ему прямо в глаза и вдруг... начал демонстративно чавкать... Иван не мог бы сказать, что действовал в этот момент осознанно, – его руки сами схватили тарелку с недоеденными макаронами и залепили ею прямо в лицо отцу.

Тот замер, слизывая с усов жидкую коричневую подливку. Иван тоже замер, сам пораженный тем, что сделал. Отец сидел неподвижно целую минуту, а потом коротко размахнулся и вlepил сыну затрещину, от которой тот скатился со своего табурета и полетел головой под раковину, где стояло мусорное ведро.

Это мусорное ведро больше всего его и взбесило. Иван вскочил на ноги, совершенно не понимая, что делает, схватил со стола вилку и, размахнувшись, не глядя всадил ее в отца. Хорошо еще, что тот вовремя испугался и попытался загородиться рукой. Иван пробил ему ладонь насквозь. Удар был нацелен прямо в лицо...

После этого Иван сел вновь за стол и начал озираться в поисках своей тарелки...

Отец тяжело встал из-за стола и не обращая внимания на боль в пробитой руке, жестоко избил Ивана, стараясь бить его по лицу именно той рукой, из которой хлестала кровь... Ворвавшаяся в квартиру мать еле-еле отняла Ивана у отца. На Иване уже не оставалось живого места, а тому все казалось мало...

Только теперь Иван понял, что сцепился тогда с отцом из-за пустяка... Когда умерла мать, Иван сам заметил, что привычки отца скрипеть зубами и чавкать за столом перестали его раздражать. Он больше просто не обращал на них внимания. Он уже побывал на первых сборах в лагере, куда их возил вербовщик и твердо решил, куда ему идти после десятого класса...

Роль отца, подавляющего его волю, взяли в скором времени наставники в лагере... Иван даже не заметил, как произошла эта подмена.

Он больше не мог валяться на топчане, ворочаясь среди затхлых тряпок. Он сел и попытался сообразить, сколько времени прошло с тех пор, как он попал в этот подвал. Ивану казалось, что совсем немного. Ведь всего несколько минут назад он швырнул череп, найденный на полу в керосиновую лампу... Нет, после этого он, кажется совершенно машинально подошел в темноте к ящикам с консервами и взяв первую попавшуюся банку открыл ее своей финкой и съел. Или даже не один раз он это проделал? Иван не мог точно ответить...

Он нашел в кармане фонарик, и его тусклым лучом осветил вокруг своего топчана.

Он насчитал пять пустых банок из под консервов и пустую бутылку из-под гаванского рома. Оказывается, он пил это пойло Крестного! И не помнил этого. Среди пустых консервных банок он заметил и помятую, открытую жестянку от «Завтрака туриста».

– Ну и гадость! – передернул плечами Иван, хотя не мог даже припомнить вкуса этих консервов. – Неужели я это ел?

Сколько же дней он провел в подвале? Два? Пять, по количеству банок из-под консервов? Неделю? Часы на его руке стояли...

Ивану стало казаться, что он провел в этом подземелье всю жизнь. Паника волной прокатилась по его душе и вынесла его из подвала наружу...

Над окраиной Москвы стояла ночь. Небо было чистым и прозрачно-черным, сквозь него проглядывали белые звезды с фиолетовым отливом. Их было столько, что у Ивана мгновенно закружилась голова, он сел на траву и обхватил голову руками. Кружение понемногу успокоилось, и Иван начал понимать, что слишком долго просидел в подвале, погружаясь в свою память...

Он ощутил зверский голод, но возвращаться в подвал ему очень не хотелось. Иван сорвал травинку и разжевал. Рот наполнила горькая полынная слюна. Он сплюнул, поднялся на ноги и зашагал по направлению к Москве.

Его совершенно не интересовало, как будут реагировать на него встречные, – шарахнутся к телефону и начнут названивать в милицию, сообщая о том, что видели убийцу генерала Камышова, или просто достанут пистолет и начнут палить в Ивана...

Его судьба была ему абсолютно безразлична. Он чувствовал полную свободу – свободу от страха перед смертью и от желания жить. Иван понимал, что теперь он может делать все, что хочет.

Нет ничего, что могло бы его сдерживать. Был Крестный – он убит, и его труп уплыл куда-то вниз по Москва-реке. Была Надежда – она тоже убита, и ее тело разорвано на куски бомбой Крестного на восемнадцатом этаже высотного здания. У Ивана была вера в Смерть – она развалилась вместе с верой в жизнь и справедливость.

Никитина он нисколько не опасался. Что, собственно, может сделать с ним фээсбэшный генерал Никитин? Самое большее – убить!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.